

MISCELLANEA

УДК 930.25:004

DOI: 10.17223/2312461X/22/8

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ АРХИВНЫЕ ПРАКТИКИ АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА (КЕЙС ТГУ)*

Жанна Анатольевна Рожнева,
Евгения Андреевна Осташова

Аннотация. В статье описываются результаты изучения архивных практик представителей академического сообщества в контексте изменений, вызванных «цифровым поворотом». В рамках исследования были проведены 18 интервью с профессорами Томского государственного университета, работающими в разных научных областях. В центре внимания авторов находятся структура и содержание формирующихся цифровых архивов, особенности хранения, организации и использования цифровых материалов, их ценностное восприятие создателями. Качественный анализ полученных данных позволяет сделать вывод, что нарастающая цифровизация меняет состав персональных архивов профессоров и варианты их использования, а также бросает новые вызовы, касающиеся обеспечения долговременной сохранности цифровых документов, на которые они не всегда могут ответить. Ценностное восприятие персональных цифровых архивов сложно и многогранно: они имеют как практическую значимость, которая проявляется в использовании материалов архива для решения текущих задач, так и эмоциональную ценность. Персональное архивирование может также рассматриваться в контекстах самоидентификации и самопрезентации. В этом смысле персональные цифровые архивы важны не только для самих создателей, но и для научного сообщества в целом, выступая в качестве потенциальных источников по истории науки и образования, которые понимаются как персонифицированная деятельность.

Ключевые слова: личные архивы, цифровые архивы; цифровые исторические источники, долговременная сохранность

Введение

Практически во все времена на протяжении своего жизненного пути человек оставлял документальные следы. Однако отношение человечества к этому персональному наследию и его состав изменялись. Если в эпохи древности и средневековья ценность документов была обуслов-

* Статья написана в рамках научного проекта (№ 8.1.24.2018), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

лена в первую очередь их практической значимостью (возможностью использовать их для выполнения административно-хозяйственных функций, в качестве подтверждения владельческих прав или общественного положения), то впоследствии были осознаны самоценность персонального документального наследия и необходимость его сохранения. В архивах стали формироваться, целенаправленно и стихийно, фонды личного происхождения, содержащие различные в типовом и видовом отношении материалы. Изначально эти фонды были в основном бумажными, однако в конце XX в. они начали пополняться электронными документами, создаваемыми с помощью компьютерной техники, получившей широкое распространение.

В XXI в. уже можно говорить о масштабном «цифровом повороте», одним из последствий которого стала трансформация повседневных человеческих практик, касающихся коммуникации между людьми, потребления, продуцирования, накопления и сохранения информации. Использование в частной жизни или профессиональной деятельности цифровых технологий, приводит к тому, что персональное информационное пространство и документальное наследие человека стремительно цифровизируются как на уровне входящих в них информационных объектов, так и средств их организации и каналов поступления. Компьютеры и другие устройства, позволяющие создавать, отправлять, получать и тиражировать цифровые материалы, открывают широкие возможности для фиксации и сохранения документальных свидетельств человеческой жизни. Более того, современные технологии буквально провоцируют человека документировать не только важные жизненные вехи, но и повседневность во всем ее многообразии. Все это ведет к стихийному или целенаправленному формированию персональных цифровых архивов, аккумулирующих разнообразные в видовом и содержательном отношении информационные объекты.

В рамках теории источниковедения исторические источники трактуются как явления культуры, интеллектуальные продукты целенаправленной человеческой деятельности (Данилевский и др. 2004: 13). В этом смысле создаваемые и накапливаемые людьми цифровые материалы являются полноправными историческими источниками. В своей совокупности они могут подарить уникальную возможность исторической реконструкции жизни отдельного человека и общества в целом. В то же время, формирование персональных цифровых архивов бросает новые вызовы историческому и архивному сообществу, так как для обеспечения их долговременной сохранности и включения в научный оборот не может быть применена разработанная в отношении традиционных бумажных материалов методология. Возникающие сложности обусловлены самой природой цифровых документов, которые не могут полноценно существовать, храниться и использоваться вне цифровой

среды. Их также отличает крайняя чувствительность к фактору времени, которая связана с быстрой сменой информационных технологий (в настоящее время это 7–10 лет, но с тенденцией к ускорению процесса). Вероятность случайного долговременного сохранения цифровых документов бесконечно мала, а целенаправленные усилия в этом направлении полностью зависят от их владельцев, которые не всегда могут или хотят их предпринимать. Находясь, как правило, вне институциональной системы сохранения памяти, личные цифровые архивы определяются как «архивы в естественных условиях», курирование которых является задачей, самостоятельно решаемой их владельцами, превращающимися в так называемых гражданских архивистов (*citizen archivists*) (Kim 2013: 28).

Таким образом, процессы накопления и сохранения личных цифровых документов имеют ярко выраженную специфику, которая может быть интересна как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. Сама долговременная сохранность персонального цифрового наследия, как нам представляется, напрямую зависит от исследования и широкого обсуждения данной проблематики, в том числе применительно к практикам людей, относящихся к разным социальным, профессиональным, возрастным и иным группам.

В научно-образовательной деятельности, которая напрямую связана с генерированием и распространением информации, изменения в практиках ее создания и сохранения проявляются особенно ярко. Современный преподаватель или исследователь посредством активного использования информационных технологий создает и накапливает значительное количество разноплановых цифровых материалов, необходимых ему для решения профессиональных и личных задач. Как и бумажные документы личного происхождения, они становятся полноправными историческими источниками, которые отражают историю науки и образования в целом и личный вклад в их развитие отдельных представителей академического сообщества.

В данной статье мы представим результаты исследования трансформации персональных практик создания, сохранения, использования и распространения информации в условиях «цифрового поворота» у докторов наук, профессоров, т.е. людей, имеющих высокий академический статус и длительный (более десяти лет) опыт исследовательской и преподавательской деятельности. Обращение к данным представителям академического сообщества обусловлено двумя основными причинами. Во-первых, профессора, как правило, обладают обширным комплексом различных материалов и имеют сложившиеся информационные практики, которые на начальном этапе формирования были связаны исключительно с бумажными документами. Это подтверждается как личными наблюдениями авторов, так и данными, представленными в академиче-

ской литературе (Кауе et al. 2006). Наличие опыта традиционного архивирования, с одной стороны, и продолжающееся накопление материалов в новой цифровой форме – с другой, дает возможность акцентировать внимание на трансформациях, связанных с повсеместным распространением цифровых технологий. Во-вторых, профессорский статус является формальным маркером активной научной деятельности и официального признания личного вклада в развитие науки и образования. В институциональной системе сохранения памяти формирование персональных фондов ученых и преподавателей происходит, как правило, по достижении именно этого этапа академической карьеры¹. В этой связи архивы профессоров можно рассматривать как один из основных элементов источниковой базы по истории науки и образования.

Имея целью выявление персональных архивных практик, изменяющихся под воздействием современных цифровых технологий, и определение возможности долговременной сохранности персональных цифровых архивов профессоров, мы сфокусировались на трех основных исследовательских вопросах:

1. Как изменились способы фиксации, организации, распространения информации и состав накапливаемых материалов под воздействием цифровизации?

2. Какие усилия предпринимают профессора для обеспечения долговременной сохранности цифровых материалов, откладываемых в ходе их повседневной деятельности?

3. Каково ценностное восприятие цифрового архива с точки зрения решения текущих задач, а также самоидентификации и самопрезентации, сохранения персонального наследия как части личной истории или истории науки и образования в целом?

В начале статьи приводится обзор отечественных и зарубежных работ, позволяющий составить представление об основных исследовательских направлениях в области персональных цифровых архивов с акцентом на имеющемся опыте изучения архивных практик представителей академического сообщества, которые находятся на разных этапах академической карьеры, а также дается описание методологии исследования. Затем на основе анализа собранных эмпирических данных в соответствии с логикой исследовательских вопросов дается развернутое описание структуры и содержания личных цифровых архивов профессоров в контексте их профессиональной деятельности и частной жизни, характеризуются выявленные практики сохранения, организации и использования цифровых объектов, определяются ценностные критерии и мотивы, влияющие на принятие решений о сохранении тех или иных материалов и на отношение к ним. Сквозной темой наших рассуждений является рассмотрение персонального архивирования как практики, связанной с самоидентификацией и самопрезентацией.

Степень изученности темы

В России исследования, в основном фокусе которых находились бы проблемы возникновения и сохранения персональных цифровых архивов, пока не проводились. Однако самобытность цифровых материалов, создаваемых на персональном уровне, понимается как историками, которые рассматривают их в качестве исторических источников (Амарандос 2010; Боброва 2006), так и архивистами, акцентирующими внимание на изменении видового состава личных фондов и демонстрирующими обеспокоенность по поводу недостаточности традиционного архивного инструментария для работы с цифровыми документами, поступающими в архивы (Альтман, Иноземцева 2013; Шпагина 2008).

В зарубежной исследовательской литературе описанные выше изменения в персональных практиках создания, использования и сохранения информации начали фиксироваться чуть более десяти лет назад. Характерной особенностью проводимых в данной области исследований является их ярко выраженная междисциплинарность, связанная с необходимостью работы в проблемном поле, которое находится на стыке информационных, социальных и гуманитарных наук.

В качестве основных тем в рамках складывающегося направления «персональные цифровые архивы» (personal digital archiving) можно выделить изучение состава и особенностей цифровых архивов людей, индивидуальных практик цифрового архивирования и факторов, влияющих на формирование этих практик, выявление жизнеспособных стратегий обеспечения долговременной сохранности персональных цифровых документов (Burrows 2006; Paradigm project... 2005–2007; John et al. 2010; Kim 2013; Personal Archiving... 2013; Perspectives on Personal... 2013; Williams, Leighton, Rowland 2009). Специалисты в области персонального информационного менеджмента (personal information management (PIM)) рассматривают аналогичные вопросы в контексте повседневного управления персональными информационными ресурсами (Jones 2007; Indratmo, Vassileva 2008; Marshall 2008). Различные аспекты персонального архивирования затрагиваются также в работах по исследованию современных средств коммуникации (Garde-Hansen 2009; Sinn, Syn 2014; Entlich 2004; Ovadia 2006; Zhao, Lindley 2014), человеко-компьютерного взаимодействия (Massimi, Charise 2009; Massimi, Baecker 2010).

В литературе нет единого понимания того, чем является «персональный цифровой архив» и какова его структура. В зависимости от различных методологических установок и используемых подходов личные цифровые архивы понимаются как «неофициальные... мемориальные коллекции, создаваемые или приобретаемые, накапливаемые и сохраняемые людьми в ходе их личной жизни, и принадлежащие им, а

не их учреждениям или другим организациям» (Williams, Leighton, Rowland 2009), любые цифровые материалы, которые человек считает своими, т.е. находящимися в его собственности (John 2010), цифровые объекты, обладающие определенной значимостью для их создателя (эта значимость может определяться способностью документа быть напоминанием о прошлом, доказательством чего-либо и т.д.) (Kim 2013: 45). Распространенным является мнение о том, что понятие «персональный цифровой архив» вообще не имеет четкого определения (John 2010).

Исследователи отмечают, что вне зависимости от того, является ли персональный архив цифровым или аналоговым, он имеет двойственную природу: с одной стороны, это система, обеспечивающая надежное хранение информации и ее эффективное использование, с другой стороны – это совокупность индивидуальных практик (Kaye et al. 2006: 1). В этом смысле создание персональных архивов вызывает интерес не только как процесс аккумулирования определенных документов, организации этой совокупности и обеспечения ее сохранности, но и как способ, с помощью которого человек взаимодействует с собственным прошлым, выстраивает собственную идентичность, «конструирует себя» (constructing of self) (Kim 2013: 49–52).

Работ, в фокусе которых находились бы именно архивные практики ученых, исследователей и других представителей академического сообщества, относительно немного (Kaye et al. 2006; John et al. 2010; Al-Omar, Sox 2016). Персональные архивы рассматриваются в них, как правило, в виде совокупности аналоговых и цифровых материалов, анализируются количественный и качественный состав, физическая среда их хранения, а также мотивы, лежащие в основе индивидуальных стратегий архивирования.

Основываясь на изучении практик формирования персональных архивов представителей академического сообщества, работающих в одном из американских университетов и находящихся на разных ступенях академической карьеры, Дж. Кайе (J. Kaye) и его коллеги сформулировали основные мотивы, или цели, создания архива, которые определяют его состав и структуру, систему хранения, организацию использования документов (Kaye et al. 2006). Среди этих мотивов: удобство поиска и использования материалов; страх потери материалов (обычно на основе личного негативного опыта); формирование собственного наследия²; совместное использование материалов с другими исследователями; самопрезентация, конструирование своего образа (2–6).

Проект «Digital Lives: Personal Digital Archives for the 21st century», реализованный Британской библиотекой в сотрудничестве с Университетским колледжем Лондона и Университетом Бристолья, был направлен на выявление цифровых архивных практик людей, как связанных с академической средой (студентов, постдоков, профессоров), так и не

связанных с ней (инженеров, архитекторов, биологов, фотографов, веб-дизайнеров и др.) (John et al. 2010: 7). Исследование фокусировалось на том, каким образом люди сохраняют свои воспоминания в цифровой форме, на их восприятии собственного цифрового наследия, этических и правовых аспектах персонального цифрового архивирования и на возможностях использования сохраненных цифровых материалов (vi).

В работе М. Ал-Омара (M. Al-Omar) и А.М. Кокса (A.M. Cox) описываются особенности персональных информационных коллекций, связанных исключительно с научными исследованиями, а также определяются факторы, влияющие на их формирование (Al-Omar, Cox 2016). В ходе исследования были опрошены ученые одного из государственных высших учебных заведений Кувейта, работающие в области медицины и образования. Было установлено, что материалы накапливаются в течение всего жизненного цикла исследования. Их отличают большие масштабы, разнородность, гибридность (могут быть печатными и электронными), распределенность физического хранения. К числу основных факторов, влияющих на создание и характер персональных исследовательских коллекций, относятся обязательность научных исследований для успешной карьеры, невозможность использовать рабочее время исключительно для научной деятельности, качество университетских информационных сервисов и помещений для работы, используемые технологии (162–166). Ученые разграничивают исследовательские и иные материалы, которые они накапливают и сохраняют. При этом существующие сегодня возможности, позволяющие хранить большие массивы информации, не делают коллекции более организованными и упорядоченными, что чревато возникновением проблем в управлении данными во всех исследованиях (169).

Таким образом, существующие исследования персональных цифровых архивов представителей академического сообщества имеют национальную или институциональную локализацию, что заставляет с осторожностью говорить о возможности применения их результатов в других национальных и институциональных контекстах, но в то же время открывает широкие перспективы для компаративистских исследований. Проведение подобных исследований возможно лишь на основе накопления и анализа разнопланового эмпирического материала о повседневных практиках представителей разных групп академического сообщества по созданию, распространению и хранению личных цифровых документов.

Методология и источники исследования

Под персональным цифровым архивом мы понимаем комплекс информационных объектов, различных по видовому составу, формирую-

щийся в процессе повседневных практик человека, имеющий определенную ценность для создателя и воспринимающийся им как «собственный». В качестве архивных практик рассматривается разноплановая деятельность людей, связанная с созданием или привлечением извне цифровых материалов, организацией их оперативного и долгосрочного хранения.

Для выявления и качественного описания модели персонального цифрового архива академического работника в 2014–2018 гг. были проведены, расшифрованы и проанализированы 18 полуструктурированных интервью с профессорами, докторами наук, работающими на различных факультетах Томского государственного университета. Основными критериями отбора были профессорский статус и согласие на участие в интервью. Поиск потенциальных респондентов велся на основе открытых источников (сайты факультетов) и личных контактов. В итоге в исследовании согласились принять участие 18 человек. Девять из них представляют гуманитарные науки, восемь – технические и естественные, один – медицинские. Возраст опрошенных на момент интервью составлял от 39 до 78 лет. Среди опрошенных – восемь женщин и десять мужчин. Для обезличивания данных каждому респонденту был присвоен шифр (таблица).

Состав участников интервью

Шифр	Пол	Возраст	Область наук ³
RH1	ж	46	Гуманитарные науки
RH2	м	43	Гуманитарные науки
RH3	м	69	Гуманитарные науки
RH4	ж	63	Гуманитарные науки
RH5	м	63	Гуманитарные науки
RH6	м	39	Гуманитарные науки
RH7	ж	55	Гуманитарные науки
RH8	ж	55	Гуманитарные науки
RH9	м	39	Гуманитарные науки
PS1	м	57	Естественные науки
PS2	м	46	Естественные науки
PS3	ж	68	Естественные науки
PS4	ж	59	Естественные науки
PT1	ж	57	Технические науки
PT2	м	67	Технические науки
PT3	м	40	Технические науки
PT4	м	78	Технические науки
PM1	ж	55	Медицинские науки

Выбор полуструктурированного интервью в качестве метода исследования был обусловлен несколькими причинами. Во-первых, складывание персональных архивов и их восприятие являются глубоко инди-

видуализированными и часто интимными практиками, которые сложно выявить посредством количественных методов или фокус-групп. Во-вторых, полуструктурированное интервью за счет наличия гайда интервью (плана) позволяет четко удерживать исследовательский фокус, с одной стороны, а с другой – дает интервьюеру необходимую свободу маневра. Для нас было важно, чтобы метод исследования позволял гибко реагировать на обстановку и реплики собеседника, касающиеся организации файлов, наличия дополнительных устройств для хранения информации и пр. В-третьих, как известно, при проведении интервью несколькими членами исследовательской команды рекомендуется отдавать предпочтение именно методу полуструктурированного интервью, чтобы гарантировать единообразие исследовательского подхода (Браймен 2007: 21).

Большая часть встреч проводилась на рабочем месте, в помещениях кафедр или лабораторий. Одно интервью было взято по телефону (РТ3). Участники были предварительно ознакомлены с темой интервью, однако конкретные вопросы не были им известны.

Модель персонального цифрового архива

1. Сущность и структура персонального цифрового архива

Подавляющее большинство респондентов полагают, что у них есть некий личный архив: 15 из 18 опрошенных утвердительно ответили на вопрос «Есть ли у Вас личный архив?» (*«разумеется, есть», «я считаю, что личный архив есть у каждого человека»*). Один респондент заявил, что собственно архива у него нет (*«Не считая того, что у всех есть какие-то документы, типа паспорт, свидетельство о рождении и пр., то, наверное, нет»*), а есть *«рабочие материалы, не более того»* (РТ2).

Двое опрошенных выразили сомнения по поводу терминологии, применимой к описанию аккумулированных ими материалов: *«Безусловно, я храню некоторые материалы. Но вот как это назвать – архивом или библиотекой? Т.е. я храню статьи, монографии по своей научной теме, авторов, которых я читаю или буду читать»* (РН2); *«Думаю, есть... Считать это архивом или нет, когда это хаотические наброски, причем совсем разнокачественные документы? Во всяком случае, они хранятся – значит, архив»* (РН8).

С формальной точки зрения архив (в отличие от библиотеки) – это хранилище или коллекция неопубликованных материалов. Однако, говоря о персональном уровне хранения, особенно цифровых материалов, необходимо отметить, что разведение архива и библиотеки будет весьма условным, что подтверждают ответы респондентов на вопросы интервью. Говоря о составе персонального архива, участники интервью

не проводят разграничительной линии между опубликованными и неопубликованными материалами.

В целом для большинства респондентов архив – это все накопленные и хранящиеся у них материалы. То есть для опрошенных базовым признаком, который позволяет идентифицировать аккумулярованные ими материалы в качестве личного архива, является их сохранение: *«они хранятся – значит, архив»*. Однако высказывались и альтернативные мнения: *«Я под архивом понимаю хорошо организованную базу данных... все папки, которые у меня есть, они все используются. ...У меня нет таких вот мертвых бумажных архивов»* (РТ1), при этом тот же респондент отметил, что *«все остальное – это просто бесформенный архив. Бесформенный. Но это же архив, раз он хранится»*. Представляется, что в данном случае на определение понятия «персональный архив» в значительной степени оказала влияние профессиональная деятельность интервьюируемого.

Как указывают М. Ал-Омар и А.М. Кокс, область исследования, в которой работает интервьюируемый, оказывает влияние на количественный и качественный состав архива: представители социального и гуманитарного знания накапливают и сохраняют больше материалов, чем представители естественных наук (Al-Omar, Cox 2016). Наше исследование не выявило четких корреляций между научной дисциплиной и составом и структурой архива.

Разграничение «личное / не личное» в архиве происходит на основе двух критериев: 1) личное как антитеза рабочему, т.е. то, что имеет отношение к семье, досугу, а не к профессионально-общественной деятельности; 2) личное как то, к чему более никто не имеет доступа. Однако и та и другая категория материалов включается в состав персонального архива.

Респонденты не оговаривали, что в личный архив включаются сугубо созданные ими самими документы. Напротив, ответы на вопросы о структуре архива, о ценности хранимых документов дают основания предполагать, что в личный архив включаются и материалы, авторство которых не принадлежит респондентам (источники, статьи и монографии других авторов, студенческие работы). На основе анализа интервью пока не представляется возможным дать ответ на вопрос, воспринимают ли респонденты такие материалы как свои или момент принадлежности просто не подвергался рефлексии и оттого не конкретизировался. Необходимо прояснение данного аспекта на последующих этапах исследования.

В структуре персонального архива представителей академического сообщества четко выделяются две составляющие. В первую очередь, характеризуя состав личного архива, профессора называли документы, связанные с профессиональной деятельностью интервьюируемых (ста-

ть, материалы к читаемым курсам и находящимся в работе статьям и монографиям, корпус источников и исходных данных, необходимых для проведения исследований, исследовательская литература). Именно эти комплексы документов опрошенные перечисляли в первую очередь, отвечая на вопрос о составе архива.

Интересно, что сегодня в ту часть личного архива, которую составляют «рабочие» материалы, проникают документы, которые, на первый взгляд, сложно связать с профессиональной деятельностью преподавателя и исследователя. Это сохраненные из интернета или социальных сетей картинки («мемы»), гиф-изображения, подкасты, часто не связанные напрямую с тематикой читаемых курсов, сохраняемые для того, чтобы позже обсудить их со студентами, просто разрядить обстановку или позабавить аудиторию. Такая практика пока не является распространенной (ее наличие отметил только один из респондентов – РН9), но, вероятно, в ближайшее время под влиянием социальных медиа, изменений, которые происходят в культуре восприятия и подачи информации в академической среде, она будет становиться все более массовой в общении студентов и преподавателей.

Второй значимой составляющей персонального архива являются «личные» документы. Их упоминали все опрошенные, но часто лишь после дополнительного вопроса интервьюера. Перечень «личных» документов крайне широк и разнообразен; он включает все то, что не связано с работой, *«то, что дорого»*: рисунки детей и внуков, личные письма, фотографии близких, снимки из путешествий, фильмы, домашние видео, музыка и пр.

Возможно, такой порядок перечисления определяется глубокой погруженностью ученых и преподавателей в свою работу, и в этом смысле структура персонального архива отражает восприятие интервьюируемыми себя как ученых и преподавателей, как членов академического сообщества. При этом, как отмечает С. Ким, это не означает, что другие социальные роли, которые выполняет индивид, воспринимаются им как менее значимые (Kim 2013: 202).

С другой стороны, к характеристике составляющих персонального цифрового архива именно в таком порядке (сначала «рабочие» материалы, а затем – «личные») респондентов могла подтолкнуть обстановка, в которой проводились интервью (в большинстве случаев – на рабочем месте). Вследствие этого у респондента, возможно, формировалась некая установка, что в первую очередь речь идет о документах, создаваемых, получаемых или используемых в процессе профессиональной деятельности. Это может объяснить, почему респонденты использовали именно термин «архив», не делая различия между персональным архивом и персональной библиотекой. Зная, что исследование, в рамках которого у них брали интервью, посвящено персональным цифровым ар-

хивам, опрошенные называли цифровым архивом все сохраняемые ими цифровые материалы.

Анализ опроса, проведенного участниками проекта «Digital Lives» в Великобритании, дал похожие результаты. Ответы на вопрос «Был ли последний полученный или созданный файл, имеющий большую значимость, связан с работой или с частной жизнью?», которые давали представители академического сообщества, разделились примерно поровну с незначительным преобладанием рабочих материалов (52 и 48% соответственно). Во второй группе (представители других профессий) большинство опрошенных отметили, что последним наиболее значимым документом был документ, связанный с их личной жизнью (73 против 27%) (John et al. 2010: 32).

При этом следует отличать разные аспекты «ценности»: связанная с профессиональной деятельностью часть архива имеет утилитарное значение; материалы архива, связанные с частной жизнью интервьюируемого, вызывают большую эмоциональную привязанность. В целом анализ интервью показывает, что для исследователей и для преподавателей ТГУ, как и для их зарубежных коллег большую ценность представляют материалы, созданные ими самими в ходе их творческой деятельности (John et al. 2010: 44).

Хотя архивы всех респондентов имеют бумажную составляющую, в настоящее время они пополняются преимущественно цифровыми документами: *«Я уже пишу только, когда в зачетках расписываюсь. А так уже все почти в электронном виде делаю»* (PH2); *«Электронными материалами я пользуюсь на 90%. ...Бумагу не использую – это исключено!»* (PT1); *«Я распечатываю только те документы, которые куда-то нужно предоставлять»* (PH9). Некоторые опрошенные собираются оцифровать или уже оцифровывают свои аналоговые материалы.

Наличие в персональных архивах фотографий текстов и их отсканированных образов, скриншотов отражает изменившуюся практику работы. Запечатленный в цифровом формате текст предполагает большую вариативность работы с ним, нежели текст на бумаге: он может быть распознан, перемещен в другой документ, увеличен, выделен, снабжен гиперссылкой и т.д.

Однако полного отказа от рукописного создания текстов пока не происходит: *«...мысль не работает. Когда печатаешь, сбиваешься. А когда пишешь, автоматизм мысли не нарушается рукой»* (PH5), *«формулы, конечно, никто на компьютере не выводит»* (PT2); *«я все-таки отношусь к старой школе, и нас приучили писать, я замечаю, что, несмотря на то, что имею возможность набирать на компьютере, у меня лучше, порой, получается написать на бумаге, а потом набрать»* (PS1). В целом полный отказ от рукописного создания текстов более характерен для представителей технических специальностей.

стей, чей уровень компьютерной грамотности, как правило, выше, но в большей степени обусловлен психологическими особенностями индивида. Как показал анализ интервью, возраст респондента в данном случае является важным, но не определяющим критерием: так, один из самых молодых опрошенных профессоров отметил, что *«писать предпочитает от руки»*, так как ему *«нравится, когда текст от руки на бумаге написан»* (РН6).

В видовом отношении в составе персональных цифровых архивов преобладают тексты и фотографии. В тематическом плане, как правило, это коллекции личных и семейных фотографий, а также фотографии, необходимые для профессиональной деятельности: кадры с полевых исследований, фотографии газет, журналов, архивных материалов, гербариев, коллекций минералов и пр.: *«...сейчас уже большую часть вот этого моего электронного архива, составляют фотодокументы»* (РН6). В общей сложности у респондента около 15–16 тыс. фотографий из архивов.

Изменения касаются и такой традиционной для личного архива составляющей как переписка. Все профессора ведут активную электронную переписку, как деловую, так и личную. В количественном отношении деловые письма значительно преобладают, а аккаунты электронной почты не подразделяются на предназначенные для деловой и для личной переписки. Следует отметить, что в России, где на данный момент, в отличие от многих стран Западной Европы и – особенно – Северной Америки, строгая политика в отношении использования в работе собственных устройств (BYOD – bring your own device) в подавляющем большинстве организаций (в частности, в Томском государственном университете) отсутствует, такое разделение вообще является редкостью.

Несмотря на широкое практическое применение электронных писем, никто из опрошенных их специально не сохраняет и не воспринимает как значимые материалы или вообще часть персонального архива. Сегодня электронное письмо – это лишь сообщение, как правило, отправляемое с прагматической целью. Текст письма все в меньшей степени несет эмоциональную нагрузку и редко выполняет присущие традиционным письмам общественные, просветительские функции, которые переходят к блогам и персональным аккаунтам в социальных медиа. При этом сами блоги и социальные медиа начинают восприниматься как составные части персонального архива. Однако среди опрошенных нами преподавателей и исследователей ТГУ пока это – скорее исключение, чем правило: лишь один из опрошенных, говоря о составе своего архива, прямо упомянул блог и аккаунты в социальных сетях (РН9).

Анализ интервью позволяет заключить, что персональный цифровой архив работника науки и образования включает все аккумулированные им материалы, которые не были удалены (сохранены целенаправленно, избежали удаления в силу такого слабо рационализируемого критерия,

как «жалко удалять», или которые забыли удалить). В персональный архив могут включаться и регулярно используемые материалы, необходимые для решения профессиональных задач, и крайне редко используемые материалы. Лишь один респондент, говоря о составе своего архива, использовал глаголы в прошедшем времени, т.е. имел в виду сложившуюся и не пополняющуюся совокупность документов.

Сравнение данных, полученных нами в результате интервьюирования профессоров ТГУ, с данными зарубежных исследований показывает, что содержательный состав материалов персональных архивов ученых практически не имеет национальной специфики и включает литературу, необходимую для разработки учебных курсов и написания статей, собственные опубликованные и неопубликованные работы, связанные с ними наброски и черновики; источниковые данные; документацию, сопровождающую публикацию статей, оформление грантов, избрание по конкурсу и пр.

2. Система хранения и использования материалов архива

Система хранения документов электронного архива, как отмечают респонденты, не возникает сама по себе, она сугубо утилитарна. Основная ее функция заключается в том, чтобы обеспечить максимально легкую доступность информации и удобство работы с ней. Это стремление определяет индивидуальные стратегии организации материалов внутри архива, главное в которых – сохранять материалы так, чтобы с ними было удобно работать конкретному ученому: *«у меня папки максимально удобные для меня, т.е. я структурирую по своим принципам. Это все индивидуально»* (РТ1); *«такую классификацию я сделала, потому что это удобно»* (РН4); *«главный приоритет в этой стратегии – систематизация. Четкая систематизация, чтобы потом самой быстро находить в своем компьютере нужную информацию»* (РН7).

Мотив удобства для опрошенных нами исследователей является доминирующим, в то время как сформулированные в зарубежных исследованиях мотивы архивирования представляются более или менее равнозначными.

Большинство респондентов используют тематический или тематически-хронологический принцип хранения электронных материалов на компьютере, т.е. создают дерево каталогов по различным темам (читаемые курсы, тематика, например, экономика, политика) или по назначению документов: «Материалы для прохождения по конкурсу», «Заявки на гранты», «Публикации»; внутри тем могут присутствовать дополнительные папки по годам.

Можно привести следующие примеры структуризации: папка «Предметы», в которой содержатся папки «Лекции», «Рекомендуемые

для студентов книги», «Книги»; папка «Научная деятельность», внутри которой находится вложенная папка «Публикации», а в ней – папки «Журналы» и «Конференции» (PT1); *«Здесь в работе научно-педагогического работника работа делится фактически на 2 части. Они у меня даже папками заведены “Education” и “Science”. Соответственно, что мы имеем в папке “Education”: те дисциплины, те курсы, которые мы ведем»*, также у данного респондента выделена *«папочка “Му”»*, и там – *«сугубо папочки по интересам»* (PS1).

Один из респондентов отметил, что создаваемое дерево каталогов – это не просто способ облегчить доступ к определенной информации, но и способ систематизировать материал с целью его лучшего осмысления: *«У меня есть прямо то, что я назвал «кадастр», где я классифицирую на папки по темам, потом – по числам, когда я какие заметки делал и на какие темы. Это мне помогало структурировать материал, организовывать его в докторскую диссертацию»* (PH2).

Лишь двое отметили, что материалы электронного архива практически никак не организованы: *«у меня есть папка, где все хранится... Весь хлам (rubbish) в одном месте»* (PT2), *«это просто общий перечень файлов»* (PH5).

Четкость и последовательность в поддержании однажды выработанной (или стихийно сложившейся) системы организации и хранения материалов персонального цифрового архива, по-видимому, является чертой, присущей исследовательской и преподавательской корпорации, а не национальной особенностью (John et al. 2010: 34, 40).

Сфера профессиональной деятельности может оказывать влияние на схему организации и степень организованности архива (Kim 2013: 111–113). Так, для респондента, чья профессиональная деятельность связана с программированием, персональный архив должен представлять четко организованную структуру (*«Я под архивом понимаю хорошо организованную базу данных»* (PT1)); респондент, чьи научные интересы лежат в области систематизации и классификации растений, тщательно поддерживает детально продуманную систему организации файлов на персональном компьютере (PS4). В этом смысле, персональные цифровые архивы, с одной стороны, являются порождением персональных информационных практик человека и несут на себе отпечаток его профессиональной деятельности, а с другой стороны, архив выступает как средство, обеспечивающее эффективность этой деятельности.

Анализируя высказывания респондентов об использовании материалов их персональных цифровых архивов, мы можем заключить, что такие сценарии довольно однотипны: в основном это использование материалов для написания статей и разработки лекций. В отличие от зарубежных исследователей, для которых мотив возможности совместного использования является одним из определяющих при создании архи-

ва (Kaue at al. 2006: 4), среди опрошенных нами профессоров практика создания персональных цифровых архивов для последующей совместной работы над их материалами с другими членами исследовательской команды или студентами пока не получила сколь-нибудь серьезного распространения. Однако в реальности работа ученых Томского государственного университета часто осуществляется в сотрудничестве, в том числе и международном, с коллегами, представителями других факультетов, университетов, организаций, что подразумевает совместное использование материалов и совместное создание текстов, которое должно быть каким-то образом организовано и может вовлекать материалы личного архива. На этапе проведения интервью такой формат использования материалов персонального цифрового архива не обсуждался. Во время интервью не задавался вопрос о совместном использовании материалов архива с коллегами, но интервьюируемые сообщали, что материалы их цифровых архивов хранятся на домашних компьютерах и других устройствах, к которым не имеют доступ коллеги, они не используют персональные информационные или библиографические менеджеры, а также скептически относятся к социальным сетям, сервисам облачного хранения и другим технологиям, которые позволяют организовать совместный доступ к материалам и работу с ними. Вероятно, исследовательская деятельность по-прежнему воспринимается как индивидуальный творческий процесс. Однако этот вопрос требует дальнейшего прояснения.

3. Ценность персональных цифровых материалов и их долгосрочное хранение

В отличие от документов, находящихся в рамках институциональной системы хранения, в отношении личных материалов невозможно определить ясные критерии сохранения, более того, сами собственники часто просто не осознают их или не рефлексируют. Наиболее четко артикулированным критерием является потребность тех или иных материалов для решения определенных задач. Конкретика наполнения данного критерия индивидуальна: от сугубо утилитарной – материал является нужным, например, для написания статьи, а затем его можно (нужно) удалить: *«эти просто рабочие материалы, где неудачно изложенный абзац, надо удалять, я считаю. Просто надо иметь определенную любовь к порядку. Скажем, Вы же не будете хранить у себя кучу ненужных вещей, если у вас есть достойная замена»* (PT1); до констатации исторической значимости информации, содержащейся в документе: *«Я считаю, что информация в этих письмах интересная, даже с точки зрения характеристики той эпохи, когда они были написаны»* (PH3).

Удаление электронных документов осуществляется реже, чем удаление бумажных, что связано с нехваткой времени у преподавателей и

практически неограниченными возможностями хранения, которые предоставляет современная техника. С. Ким отмечает, что сохранение электронных документов становится своего рода «настройкой по умолчанию» (Kim 2013: 74). Эта наметившаяся тенденция, которая с ростом количества электронных документов будет проявляться ярче, возможно, потребует на последующих этапах исследования изменения фокуса вопросов с причин сохранения отдельных документов к причинам их удаления.

Один из вопросов интервью был связан с выделением респондентами наиболее ценных, с их точки зрения, материалов в составе персонального архива, при этом в формулировке вопроса интервью критерий «ценности» не конкретизировался. Материалы, связанные с частной, семейной жизнью респондентов (как правило, это фотографии), обладающие для них эмоциональной ценностью. Характерны следующие высказывания: *«Например, у меня электронные фотографии первого года жизни дочери просто исчезли. Какие-то мы успели напечатать, а остальные – нет. Это большая потеря»* (PH2); *«Вот если я, допустим, путешествую, то мне очень ценны те фотографии... Фотографии родственников, друзей, когда мы собираемся»* (PS1).

Практически все опрошенные сохраняют написанные ими тексты научных статей, диссертаций, монографий (а некоторые – и их черновики), осознавая при этом, что необходимости в сохранении этих материалов нет, так как они уже опубликованы. В данном случае в основе сохранения, по всей видимости, лежат несколько мотивов: с одной стороны, это эмоциональная привязанность к материалам, в которые было вложено большое количество сил, энергии и времени; с другой стороны, эти материалы являются письменным отражением творческого процесса, исследовательского труда, и в этом смысле они служат самоидентификации индивида как ученого.

Имеющими практическую ценность можно считать документы, связанные с профессиональной деятельностью. Сильную обеспокоенность вызывает возможная утрата тех документов, которые непосредственно находятся в работе: уже написанные, но неопубликованные статьи, материалы, которые в данный момент используются для написания статьи или монографии, созданные, но нигде не размещенные и не опубликованные курсы, находящиеся в разработке учебные программы. Однако их ценность, по словам респондентов, временна и преходяща, т.е. связана с тем, что их утрата привела бы к значительным временным потерям и необходимости затратить большие усилия на их восстановление: *«Наверное, статьи, которые я написал. Причем именно свежие. Потому что те статьи, которые я писал раньше, они уже опубликованы... А вот то, что ты только написал, еще никуда не отправил... Силы-то потратил, и вот так взять, потерять...»* (PH2); *«Опять-таки*

понимаете этот вариант связан с текущей деятельностью. Я считаю, что вообще весь ценный... тот материал, который ты сам нарабатал... Курсы лекций, которые мы еще не выставили куда-то. Они нигде не фигурируют. Представляете, какую уйму времени мне придется потратить, если все это исчезнет?» (PS1); «Ценность оперативно работать. Я понимаю, что любой сбой – это сразу задержка во времени, это дополнительная головная боль. Вот этого я боюсь, т.е. для меня главное, что это облегчает мою работу, ускоряет ее. Трудозатраты эти же снимает. Удобство» (PH8).

Треть респондентов отметила, что в их архиве нет электронных материалов, которые они боялись бы утратить, и в целом электронная часть персонального архива лишена ценности: «Это работа. Какую эмоцию у вас вызовет ваша прошлогодняя лекция в бумажном варианте? Вот такую же эмоцию вызывает электронная версия» (PT1).

Таким образом, для опрошенных нами профессоров создание архива призвано обеспечить успешное выполнение профессиональных обязанностей (написание статей, подготовка лекций), и в меньшей степени определяется страхом утраты материалов как таковых, как неких символов профессиональной или личностной идентичности. Здесь возникает интересный контраст с данными, полученными Дж. Кайе и его коллегами. Опрошенные ими представители академического сообщества отмечали, что в результате утраты материалов, в первую очередь бумажных, у них возникало сильное чувство дискомфорта, тревоги и потерянности: «Я ощущала большое пустое место за моей спиной (там, где раньше были мои книги), и я чувствовала себя отрезанной от прошлого и испытывала чувство неуверенности в будущем... Я осознала, что книги – это важная часть моей идентичности как ученого» (Kaue et al. 2006: 5). Обозначенные различия, возможно, объясняются изначально эфемерной природой электронных материалов: их наличие или отсутствие не меняет или мало меняет привычное человеку физическое пространство.

Наши собеседники не отмечали, что оставляли у себя определенные материалы для сохранения непосредственно самого объекта (на память или для коллекционирования), хотя зачастую в качестве критерия сохранения выступает такой слабо рационализируемый подход, как «жалко удалять», например, работы студентов, аспирантов и др. Таким образом, в отличие от архивов бумажных документов, при определении ценности электронных документов практически не может быть использован критерий оценки внешних особенностей документа.

Анализ интервью дает основания полагать, что существует определенная корреляция между сферой профессиональных интересов респондента и его отношением к собственному информационному наследию, например, показательное такое высказывание: «Я, как историк, стараюсь хранить все» (PH3).

Хотя практически у всех респондентов был личный опыт утраты электронной информации разной степени тяжести, у большинства из них нет определенной и четкой стратегии по обеспечению долговременной сохранности собственных электронных документов. На выбор способов сохранения электронных материалов в значительной степени влияет техническая подготовка пользователя (она варьируется в зависимости от профессиональных знаний и навыков, возраста, личностных особенностей). Это вызывает беспокойство, так как цифровые материалы являются хрупкими, возможность их случайного сохранения практически отсутствует, следовательно, возрастает риск утраты цифровых архивов профессоров и существенного обеднения источниковой базы для изучения истории науки, понимаемой как персонифицированная деятельность.

Практики резервного копирования материалов персональных цифровых архивов, сформировавшиеся у российских ученых и вузовских преподавателей и их зарубежных коллег, практически не различаются. Наиболее популярным хранилищем (и устройством для транспортировки) цифровых материалов являются флеш-накопители или внешние жесткие диски. Частота создания копий сильно варьируется: от проведения резервного копирования только при смене устройства, переустановки системы или при появлении особо важных материалов до практики создания копии на флеш-носителе после каждых 30 минут работы над документом. У большинства опрошенных четкой системы (определенная частота копирования, количество копируемых материалов) при создании резервных копий не выработано. Определяющим фактором здесь является личный опыт утраты цифровых материалов.

За редким исключением (двое из опрошенных нами) респонденты не используют удаленное хранение материалов. Если отказ от использования «облаков» обусловлен сомнениями в их достаточной надежности, то отказ от использования социальных сетей для хранения информации и коммуникации респонденты обозначали как принципиальную позицию: *«Не использую. Исключено. Более того, у меня крайне отрицательное отношение к ним»* (PT1); *«Это моя принципиальная позиция, я не люблю бродить в интернете, во всех этих сетях. Я очень скептически к этому отношусь»* (PH4); *«Принципиально нет. Потому что я человек верующий. А там много чего черного»* (PH5); *«Это как мусор жизненный»* (PS1); *«Я вот ими не пользуюсь, я предпочитаю живое общение. Хотя я понимаю всю пользу, которую это предполагает»* (PH6).

Лишь двое из респондентов отметили, что использование ориентированных на исследователей социальных сетей (Academia.edu, Research Gate), а также социальных сетей общего назначения является частью современной работы ученого, некой установкой руководства университета. При этом один из них указал на существующие проблемы в их

использовании: «Знаете, есть еще научные социальные сети. Здесь мы в двойственном таком положении оказываемся. Опять мы под давлением министерства и ректората находимся по поводу того, что мы должны рекламировать наши научные данные для увеличения количества ссылок. А вот Academia.edu, ResearchGate... Если в Academia.edu они так умеренно сбрасывают информацию, то ResearchGate завалил меня спамом после того, как там зарегистрировался. Отслеживание людей, которым я интересен, это тоже огромный блок времени» (PS1), а другой сделал акцент на их возможностях для самопрезентации: «Я завел аккаунты в социальных сетях, чтобы на других посмотреть и себя показать. Чтобы другие люди знали, кто я такой» (PH9).

Отметим, что, отвечая на вопрос об использовании социальных сетей, опрошенные перечисляли, прежде всего, социальные сети широкого профиля, например, Vk.com, Facebook.com, Одноклассники. Возможно, в целом негативное отношение к социальным медиа связано с недостаточной осведомленностью о разнообразии и функционале профессионально ориентированных социальных сетей.

За рубежом использование социальных сетей (как профессионально ориентированных, например, ResearchGate, Google Scholar, LinkedIn, так и широкого пользования) и сервисов удаленного хранения данных является гораздо более распространенным. Возможно, это связано с тем, что в Россию эти технологии стали массово проникать несколько позднее, чем в западные страны.

На данном этапе исследования представляется, что такие критерии создания персонального архива и поддержания долговременной сохранности его материалов, как формирование персонального наследия и конструирование собственного образа с помощью материалов архива, практически не характерны для наших респондентов.

В отличие от иностранных коллег, опрошенные нами представители российского академического сообщества мало задумываются о том, что их документальное наследие может рассматриваться как ценность за пределами цикла их профессиональной и жизненной активности в качестве источника по истории науки и образования для других исследователей.

Основываясь на уже имеющихся данных нашего исследования, мы можем заключить, что персональный цифровой архив практически не воспринимается как средство самоидентификации и самопрезентации (или этот мотив не проговаривался интервьюируемыми). Главным образом, на наш взгляд, это связано с природой цифровых материалов. В отличие от аналоговых документов (книг, фотографий, дипломов, грамот, сувениров и иных артефактов, которые могут демонстрировать различные этапы профессионализации, место и роль человека в профессиональном сообществе), цифровые материалы сложно продемон-

стрировать в физическом пространстве, вне цифровой среды. Средством такой демонстрации могли бы стать социальные сети, но, как показало исследование, отношение к ним среди опрошенных достаточно негативное. Кроме того, возможно, свое влияние оказывает тот факт, что у участников интервью, как правило, нет собственного офиса или персонального рабочего места, оборудованного компьютером, которое могли бы видеть коллеги или студенты. Работа с цифровыми материалами происходит в основном дома, в виртуальном пространстве (например, Google Disk), с рабочего места в библиотеке или на кафедре (с последующим немедленным копированием материалов на флеш-носители или отправкой их по электронной почте и удалении из файловой системы компьютера, на котором происходила работа). Таким образом, цифровые материалы становятся в буквальном смысле невидимыми для кого-либо, кроме создателя архива.

Заключение

Представители академического сообщества в процессе своей профессиональной деятельности накапливают значительное количество цифровых материалов, которые они стремятся так или иначе сохранить. Можно с уверенностью констатировать, что в условиях «цифрового поворота» их архивные практики существенно изменились по сравнению с практиками создания личных бумажных архивов. Изменился и архив как таковой, появились новые виды документов, откладываемые в качестве персонального цифрового наследия. На персональном уровне происходит сближение цифровых архивов как хранилищ неопубликованных материалов и цифровых библиотек, в которых, исходя из формального признака библиотеки, откладываются опубликованные материалы. И персональные архивы, и персональные библиотеки представляют собой пополняющиеся совокупности материалов, объединяющие документы разного вида, формата, происхождения. Материалы персональных архивов и библиотек хранятся рядом в пространственном отношении, выработанные системы их хранения в основном не различаются, а сами материалы практически одинаково воспринимаются хранителями.

Наши респонденты осознают большую хрупкость цифровых материалов по сравнению с аналоговыми, каждый из них имел опыт их утраты. В этой связи профессора вырабатывают собственные стратегии обеспечения сохранности своих цифровых документов, наиболее типичной из которых является сохранение материалов на внешних накопителях. При этом, как правило, резервное копирование осуществляется «по мере необходимости», например, после завершения работы над крупным фрагментом текста, и не имеет четко определенной перио-

личности, глубины и охвата. Данные интервью свидетельствуют о том, что практика использования других способов и средств обеспечения долговременной сохранности, например, использование в качестве хранилищ «облаков» или социальных сетей пока оценивается респондентами скептически и не получила серьезного распространения.

Наиболее сложным является ответ на третий вопрос, поставленный нами в начале данного исследования: каково ценностное восприятие электронного архива с точки зрения решения текущих задач, а также самоидентификации и самопрезентации, сохранения персонального наследия как части личной истории или истории науки и образования в целом?

В исследовательской литературе было обозначено несколько подходов к определению потенциальной ценности персональных материалов (безотносительно к их цифровой или аналоговой природе). Выявленные виды ценности (практическая, эмоциональная, историческая и др.) выступают своеобразными критериями, на основании которых индивиды принимают решение о сохранении или удалении цифровых материалов.

Отвечая на вопросы интервьюера, наши респонденты, прежде всего, связывали значимость персонального цифрового архива с качественным, быстрым и эффективным выполнением собственных профессиональных обязанностей, что позволяет говорить о прагматической ценности материалов архива. Такая ценность временна: она снижается по мере завершения работы над проектом, для которого использовались материалы, подготовки курса лекций, публикации статьи.

В отличие от зарубежных исследователей, архивные практики которых описаны в литературе, опрошенные нами профессора не говорят о своем архиве как об отражении их профессионального пути, подтверждении профессиональных достижений. Но состав документов персональных цифровых архивов часто включает не только сами опубликованные статьи, но и черновики, наброски и заметки к ним, студенческие работы, которые, по всей видимости, только хранятся, но не используются для решения каких-либо насущных задач. Наконец, в состав своего персонального цифрового архива опрошенные нами профессора включили и материалы, имеющие отношение к их частной жизни (рисунки детей, фотографии близких и пр.). Это позволяет предположить, что ценность персонального цифрового архива для наших респондентов не сводится только к прагматической: он важен как свидетельство их исследовательской и творческой работы, как маркер принадлежности к исследовательскому и преподавательскому сообществу, как способ повторного переживания личностно значимых моментов.

Сложнее оценить, насколько материалы персональных цифровых архивов могут служить способом самопрезентации, т.е. трансляции себя во внешнюю среду. По своей природе цифровые объекты эфемерны,

они не представлены в физическом пространстве и, следовательно, в гораздо меньшей степени, чем, например, бумажные книги, фотографии, грамоты, постеры, могут демонстрировать видимый для других образ человека.

Сегодня существует множество способов, позволяющих сделать определенные аспекты частной и профессиональной жизни публичными, например, социальные сети (в том числе и профессионально ориентированные), но большинство опрошенных пока относятся к этим инструментам неоднозначно, если не сказать, негативно.

Для наших респондентов принципиально важным является сохранение персональных цифровых архивов лишь в пределах периода их деловой активности или жизни, в то время как необходимость и целесообразность более длительного хранения собственных архивов представляется им сомнительной, а сами архивы рассматриваются как не имеющие социокультурной или исторической значимости. Это касается как материалов, отражающих профессиональную деятельность, так и личных.

Однако опрошенные не были бы против передачи их документально-го наследия в государственные институты памяти, например, для облегчения работы других исследователей, обогащения информационного пространства. При этом в подавляющем большинстве у респондентов не сформировано представление о возможной аудитории (за исключением ближайших родственников), для которой мог бы быть интересен их архив, а сами они не предпринимают видимых усилий для обеспечения сохранности материалов за пределами собственных жизней.

В завершение, обращаясь к вопросу о важности сохранения складывающихся персональных цифровых архивов с целью возможного их использования в качестве исторических источников, хотелось бы отметить следующее. В рамках институциональной системы хранения проведение экспертизы ценности документов предполагает формирование некой выборки наиболее значимых материалов, что не может не нарушать целостности персонального архива. Существующие в накопленных на персональном уровне комплексах цифровых материалов логические и структурные связи прослеживаются более четко, чем аналогичные связи в комплексах аналоговых документов, поскольку цифровая среда хранения, с одной стороны, не создает серьезных ограничений для хранения, а с другой – сама помогает проводить первичную систематизацию материалов, дает дополнительные инструменты для связывания отдельных материалов персонального цифрового архива не только друг с другом, но и с различными аспектами жизни человека и с самой его личностью. Персональные цифровые архивы, аккумулируя цифровые материалы своего создателя, сохраняют и отпечаток того временного и культурного контекста, в котором он живет. Поэтому

важно научиться не только и не столько сохранять и вводить в научный оборот какие-то отдельные материалы цифрового архива, но и обеспечивать его сохранность как единого комплекса, потенциально связанного с аналогичными комплексами других исследователей в рамках университета, профессиональной корпорации, исследовательского сообщества.

Примечания

¹ Например, в Государственном архиве Томской области «профессорские фонды» составляют 68% от всех личных фондов ученых, сотрудников вузов и научных институтов (61 из 90) (Фонды личного... 2018).

² В качестве архива-наследия («legasy») исследователи рассматривают такие архивы, которые позволяют составить впечатление о личности и работе их создателя. Архив как средство самоидентификации и конструирования собственного опыта демонстрирует достижения создателя, его профессиональный и социальный статус (Kaye et al. 2006: 3, 5).

³ Для обеспечения большей анонимности было решено обозначить принадлежность респондентов к областям наук, а не к факультетам.

Литература

- Альтман М.М., Иноземцева З.П. Актуальные проблемы собирания документов личного происхождения на современном этапе // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 137–150.
- Амарандос К.Д. Государственный блог как исторический источник // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». М., 2010. № 36. С. 194–195.
- Боброва Е.В. Блог как исторический источник и повседневный инструмент историка // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». М., 2006. № 34. С. 145–147.
- Браймен А. Интервью в качественных исследованиях // Социология власти. 2007. № 4. С. 15–32.
- Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: учебное пособие для гуманитарных специальностей. М.: РГУ, 2004.
- Фонды личного происхождения // Государственный архив Томской области. 2018. URL: <http://gato.tomica.ru/resources/guide/R3/index.html> (дата обращения: 12.06.2018).
- Шпагина М.П. Личные фонды: трансформация феномена // Документ в системе социальных коммуникаций : сборник материалов III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Томск, 25–26 октября 2007 г.). Томск, 2008. С. 152–155.
- Al-Omar M., Cox A.M. Scholars' research-related personal information collections: A study of education and health researchers in a Kuwaiti University // Aslib Journal of Information Management. 2016. Vol. 68, № 2. P. 155–173.
- Burrows T. Personal electronic archives: Collecting the digital me // OCLC Systems & Services: International Digital Library Perspectives. 2006. Vol. 22, is. 2. P. 85–88.
- Entlich R. Blog today, gone tomorrow? Preservation of weblogs // RLG DigiNews. 2004. Vol. 8, is. 4. URL: <http://worldcat.org/arcviewer/1/OCC/2007/08/08/0000070513/viewer/file1789.html#article3> (дата обращения: 17.02.2017).
- Garde-Hansen J. MyMemories?: Personal digital archive fever and Facebook // Save as... digital memories. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 135–150. URL: <http://ds.haverford.edu/forthecord/wp-content/uploads/2012/06/Garde-Hansen.pdf> (дата обращения: 17.02.2017).
- Indratno J., Vassileva J. A Review of Organizational Structures of Personal Information Management // Journal of Digital Information. 2008. Vol. 9 (1). P. 1–9.

- John J.L., Rowlands I., Williams P., Dean K.* Digital lives: Personal digital archives for the 21st century, an initial synthesis (Digital Lives research paper). 2010. URL: <http://britishlibrary.typepad.co.uk/files/digital-lives-synthesis02-1.pdf> (дата обращения: 12.02.2016).
- Jones W.* Keeping found things found: The Study and Practice of Personal Information Management. Burlington, MA: Morgan Kaufman Publishers, Burlington, MA, 2007.
- Kaye J., Vertesi J., Avery Sh., Dafoe A., David Sh., Onaga L., Rosero I., Pinch T.* To Have and to Hold: Exploring the Personal Archive // CHI '06. Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems. New York: ACM, 2006. P. 1–10. URL: <http://alumni.media.mit.edu/~jofish/writing/tohaveandtohold.pdf> (дата обращения: 09.09.2018).
- Kim S.* Personal Digital Archives: Preservation of Documents, Preservation of Self. Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School of The University of Texas at Austin in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy The University of Texas at Austin. 2013. P. 28. URL: <http://hdl.handle.net/2152/21134> (дата обращения: 30.05.2017).
- Marshall C.C.* Rethinking personal digital archiving. Part 1 // D-Lib Magazine. 2008. Vol. 14, is. 3/4. URL: www.dlib.org/dlib/march08/marshall/03marshall-pt1.html (дата обращения: 01.03.2017).
- Marshall C.C.* Rethinking personal digital archiving. Part 2 // D-Lib Magazine. 2008. Vol. 14, is. 3/4. URL: www.dlib.org/dlib/march08/marshall/03marshall-pt2.html (дата обращения: 01.03.2017).
- Massimi M., Baecker R.M.* A Death in the family: Opportunities for designing technologies for the bereaved // Proceedings of the CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. New York, 2010. P. 1821–1830. URL: <http://www.dgp.toronto.edu/~mikem/pubs/MassimiBaecker-CHI2010.pdf> (дата обращения: 10.02.2017).
- Massimi M., Charise A.* Dying, death, and mortality: Towards Thanatosensitivity in HCI // CHI 2009. DIGITAL LIFE NEW WORLD. URL: <http://www.chi2009.org/altchisystem/login.php?action=showsubmission&id=208> (дата обращения: 10.02.2017).
- Ovadia S.* The Need to Archive Blog Content // The Serials Librarian: From the Printed Page to the Digital Age. 2006. Vol. 51, is. 1. P. 95–102.
- Paradigm project.* Workbook on Digital Private Papers. 2005–2007. URL: <http://www.paradigm.ac.uk/workbook> (дата обращения: 10.03.2017).
- Personal Archiving* // Library of Congress. Digital Preservation. URL: <http://www.digital-preservation.gov/personalarchiving/> (дата обращения: 26.02.2016).
- Personal Archiving: Preserving Our Digital Heritage* Ed. Donald T. Hawkins. Medford, NJ: Information Today, 2013.
- Perspectives on Personal Digital Archiving* // Library of Congress. Digital Preservation. 2013. URL: http://www.digitalpreservation.gov/documents/ebookpdf_march18.pdf (дата обращения: 07.03.2017).
- Sinn D., Syn S.E.* Personal documentation on a social network site: Facebook, a collection of moments from your life? // Archival Science. 2014. Vol. 14, is. 2. P. 95–124.
- Williams P., Leighton J., Rowland J.I.* The personal curation of digital objects: a lifecycle approach // Aslib Proceedings. 2009. Vol. 61, is. 4. P. 340–363. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/00012530910973767>.
- Zhao X., Lindley S.E.* Curation through use: understanding the personal value of social media // Proceedings of the 32nd annual ACM conference on Human factors in computing systems. 2014. P. 2431–2440. URL: <http://research.microsoft.com/pubs/209198/p2431-zhao.pdf> (дата обращения: 10.02.2017).

Rozhneva Zhanna A. and Ostashova Evgeniya A.

THE ACADEMIC COMMUNITY'S PERSONAL ARCHIVING PRACTICES: THE CASE OF NATIONAL RESEARCH TOMSK STATE UNIVERSITY*

DOI: 10.17223/2312461X/22/8

Abstract. The article presents the results of a research study on archiving practices employed by the National Research Tomsk State University (TSU) faculty in the context of changes associated with the 'digital turn'. The authors conducted 18 interviews with TSU professors working in different disciplines. The research focus was placed on the structure and content of the digital archives being formed, the ways of storing, organising and utilising digital materials, and on the creator's view of these practices. The qualitative analysis of the collected data showed that the increasing digitisation is changing the composition of the professors' personal archives and the possibilities of using these archives, and is creating new challenges related to long-term preservation of digital documents – the challenges that these people are not always able and willing to embrace. The perspectives they have on personal digital archives are complex and multifaceted: these are seen as being important in practical terms – e.g., when one uses the archival materials for solving their current issues – and as having emotional value attached to them. Personal archiving can also be considered in the context of self-identification and self-representation. In this sense, personal digital archives are valuable for the creators and the academic community as a whole as potential sources on the history of science and education understood as personalised activity.

Keywords: personal archives, digital archives; digital historical sources, long-term preservation

* The research was conducted as part of the research project No. 8.1.24.2018 supported by the Competitiveness Improvement Programme of National Research Tomsk State University.

References

- Al'tman M.M., Inozemtseva Z.P. Aktual'nye problemy sobiraniia dokumentov lichnogo proiskhozhdeniia na sovremennom etape [Pressing issues of private documents collection today], *Vestnik arkhivista*, 2013, no. 1, pp. 137-150.
- Amarandos K.D. Gosudarstvennyi blog kak istoricheskii istochnik [State blog as a historical source], *Informatsionnyi biulleten' assotsiatsii «Istoriia i komp'iuter»*, Moscow, 2010, no. 36, pp. 194-195.
- Bobrova E.V. Blog kak istoricheskii istochnik i povsednevnyi instrument istorika [Blog as a historical source and the historian's everyday tool], *Informatsionnyi biulleten' assotsiatsii «Istoriia i komp'iuter»*, Moscow, 2006, no. 34, pp. 145-147.
- Braimen A. Interv'iu v kachestvennykh issledovaniakh [Interview in qualitative studies], *Sotsiologiya vlasti*, 2007, no. 4, pp. 15-32.
- Danilevskii I.N., Kabanov V.V., Medushevskaja O.M., Rumiantseva M.F. *Istochnikovedenie: uchebnoe posobie dlia gumanitarnykh spetsial'nostei* [Source studies: a study guide for humanities students]. Moscow: RGU, 2004.
- Fondy lichnogo proiskhozhdeniia [Personal information collections], *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti* [The Tomsk Region State Archive]. 2018. Available at: <http://gato.tomica.ru/resources/guide/R3/index.html> (Accessed 12 June 2018).
- Shpagina M.P. Lichnye fondy: transformatsiia fenomena [Personal information collections: transformation of the phenomenon]. In: *Sbornik materialov III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Dokument v sisteme sotsial'nykh kommunikatsii» (g. Tomsk, 25-26 oktiabria 2007 g.)* [Proceedings of the 3rd Russian Research and Practice-Oriented Conference with international participation 'The

- document in social communication' (Tomsk, 25-26 October 2007)]. Tomsk, 2008, pp. 152-155.
- Al-Omar M., Cox A.M. Scholars' research-related personal information collections: A study of education and health researchers in a Kuwaiti University, *Aslib Journal of Information Management*, 2016, Vol. 68, no. 2, pp. 155-173.
- Burrows T. Personal electronic archives: Collecting the digital me, *OCLC Systems & Services: International Digital Library Perspectives*, 2006, Vol. 22, Iss. 2, pp. 85-88.
- Entlich R. Blog today, gone tomorrow? Preservation of weblogs, *RLG DigiNews*, 2004, Vol. 8, Iss. 4. URL: <http://worldcat.org/arcviewer/1/OCC/2007/08/08/0000070513/viewer/file1789.html#article3> (Accessed 17 February 2017).
- Garde-Hansen J. MyMemories?: Personal digital archive fever and Facebook. In: *Save as... digital memories*. London: Palgrave Macmillan, 2009, pp. 135-150. Available at: <http://ds.haverford.edu/fortherecord/wp-content/uploads/2012/06/Garde-Hansen.pdf> (Accessed 17 February 2017).
- Indratmo J., Vassileva J. A Review of Organizational Structures of Personal Information Management, *Journal of Digital Information*, 2008, Vol. 9 (1), pp. 1-9.
- John J. L., Rowlands I., Williams P., Dean K. *Digital lives: Personal digital archives for the 21st century, an initial synthesis (Digital Lives research paper)*. 2010. Available at: <http://britishlibrary.typepad.co.uk/files/digital-lives-synthesis02-1.pdf> (Accessed 12 February 2016).
- Jones W. *Keeping found things found: The Study and Practice of Personal Information Management*. Burlington, MA: Morgan Kaufman Publishers, Burlington, MA, 2007.
- Kaye J., Vertesi J., Avery Sh., Dafoe A., David Sh., Onaga L., Rosero I., Pinch T. To Have and to Hold: Exploring the Personal Archive. In: *CHI '06. Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. New York: ACM, 2006, pp. 1-10. Available at: <http://alumni.media.mit.edu/~jofish/writing/tohaveandtohold.pdf> (Accessed 9 September 2018).
- Kim S. *Personal Digital Archives: Preservation of Documents, Preservation of Self*. Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School of The University of Texas at Austin in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy The University of Texas at Austin. 2013. Available at: <http://hdl.handle.net/2152/21134> (Accessed 30 May 2017).
- Marshall C.C. Rethinking personal digital archiving. Part 1, *D-Lib Magazine*, 2008, Vol. 14, Iss. 3/4. Available at: www.dlib.org/dlib/march08/marshall/03marshall-pt1.html (Accessed 1 March 2017).
- Marshall C.C. Rethinking personal digital archiving. Part 2, *D-Lib Magazine*, 2008, Vol. 14, Iss. 3/4. Available at: www.dlib.org/dlib/march08/marshall/03marshall-pt2.html (Accessed 1 March 2017).
- Massimi M., Baecker R.M. A Death in the family: Opportunities for designing technologies for the bereaved. In: *Proceedings of the CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. New York, 2010, pp. 1821-1830. Available at: <http://www.dgp.toronto.edu/~mikem/pubs/MassimiBaecker-CHI2010.pdf> (Accessed 10 February 2017).
- Massimi M., Charise A. Dying, death, and mortality: Towards Thanatosensitivity in HCI. In: *CHI 2009. DIGITAL LIFE NEW WORLD*. Available at: <http://www.chi2009.org/alchisystem/login.php?action=showsubmission&id=208> (Accessed 10 February 2017).
- Ovadia S. The Need to Archive Blog Content, *The Serials Librarian: From the Printed Page to the Digital Age*, 2006, Vol. 51, Iss. 1, pp. 95-102.
- Paradigm project. Workbook on Digital Private Papers*. 2005-2007. Available at: <http://www.paradigm.ac.uk/workbook> (Accessed 10 March 2017).
- Personal Archiving, *Library of Congress*. Digital Preservation. Available at: <http://www.digitalpreservation.gov/personalarchiving/> (Accessed 26 February 2016).
- Personal Archiving: Preserving Our Digital Heritage*. Ed. Donald T. Hawkins. Medford, NJ: Information Today, 2013.

- Perspectives on Personal Digital Archiving, *Library of Congress*. Digital Preservation. 2013. Available at: http://www.digitalpreservation.gov/documents/ebookpdf_march18.pdf (Accessed 07 March 2017).
- Sinn D., Syn S.E. Personal documentation on a social network site: Facebook, a collection of moments from your life?, *Archival Science*, 2014, Vol. 14, Iss. 2, pp. 95–124.
- Williams P., Leighton J., Rowland J.I. The personal curation of digital objects: a lifecycle approach, *Aslib Proceedings*, 2009, Vol. 61, Iss. 4, pp. 340–363. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/00012530910973767>.
- Zhao X., Lindley S.E. Curation through use: understanding the personal value of social media. In: *Proceedings of the 32nd annual ACM conference on Human factors in computing systems*. 2014, pp. 2431–2440. Available at: <http://research.microsoft.com/pubs/209198/p2431-zhao.pdf> (Accessed 10 February 2017).